

Л. Г. Пономарева, Фонетика и морфология мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ижевск 2002. 207 с.

18 декабря 2002 года на заседании Специализированного совета К 212.275.02 при Удмуртском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации на тему «Фонетика и морфология мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка» Ларисы Геннадьевны Пономаревой. Работа выполнена на кафедре общего и финно-угорского языкознания Удмуртского государственного университета. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук А. Н. Ракин (Сыктывкар), кандидат филологических наук С. А. Максимов (Ижевск).

К настоящему времени коми диалектологическая наука достигла значительных результатов. Благодаря самоотверженному труду нескольких поколений ученых завершено изучение и описание всех десяти территориальных разновидностей коми-зырянского языка. По каждой из них изданы отдельные монографии. Одним из первых среди финно-угорских языков России еще в 1961 году в Сыктывкаре вышел в свет «Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов» (авторы Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачева). Этот уникальный лексикографический справочник является не только настольной книгой для коми лингвистов, но и ценным источником для специалистов по многим родственным и неродственным языкам.

Определенные успехи имеются и в области коми-пермяцкой диалектологии. Уже более 25 лет назад была подготовлена и опубликована работа под названием «Коми-пермяцкая диалектология» (автор Р. М. Баталова, Москва 1975). В 1990 и 1995 годах двум диалектам южного наречия (оньковский и нижнеиньвенский) посвящены изданные в Гамбурге монографии в рамках международного проекта «Унифицированное описание уральских языков». С начала 90-х годов прошлого столетия

проводится комплексное исследование диалектов северного наречия. По кочевскому и косинско-камскому диалектам защищены кандидатские диссертации (А. С. Лобанова, Кочевский диалект коми-пермяцкого языка, Москва 1993; Р. П. Дмитриева, Косинско-камский диалект коми-пермяцкого языка (фонетика и морфология), Сыктывкар 1998).

Подготовленная Л. Г. Пономаревой работа — это третья кандидатская диссертация по северному наречию коми-пермяцкого языка и первое специальное исследование мысовско-лупьинского диалекта на уровне фонетики и морфологии. В основу ее легли материалы, собранные автором в течение четырех лет (1999—2002) непосредственно в полевых условиях. В качестве дополнительного источника использованы публикации таких выдающихся финно-угроведов, как В. И. Лыткин и Т. Е. Уотила.

Структура работы соответствует задачам исследования: 1) подробно описать фонетику и морфологию мысовско-лупьинского диалекта; 2) выявить специфические особенности диалекта в области фонетики и морфологии; провести их детальный анализ и теоретически осмыслить; 3) выделить сходные с другими севернопермяцкими диалектами языковые черты и сопоставить их с общими южнопермяцкими языковыми явлениями; 4) найти общие черты языка описываемого региона с верхневычегодским диалектом коми-зырянского языка; 5) при необходимости сопоставить черты диалекта с особенностями других родственных языков; 6) рассмотреть соответствующие языковые факты диалекта с исторической точки зрения; 7) систематизировать и обобщить результаты предыдущих исследований по данному диалекту.

Работа (207 с. набранного на компьютере текста) состоит из введения,

двух глав, заключения, списка использованной литературы, перечня сокращений и приложения, содержащего список информантов и образцы текстов.

Во введении выделены два раздела. Первый имеет заглавие «Общая характеристика работы». О содержании и характере ее здесь действительно говорится, но во второй части данного раздела. В первой же части речь идет об ареале распространения диалекта, перечислены населенные пункты, где сосредоточена основная масса его носителей, указано их общее количество (484 человека). Констатируется важный момент в современной лингвистической ситуации Коми-Пермяцкого автономного округа. В результате переселения лупинцев, проживавших на самом севере округа, в районы, занятые мысовскими пермяками, сложилось новое территориально-языковое образование, которое Л. А. Пономарева вслед за Е. Н. Федосеевой называет мысовско-лупинским диалектом. В соответствии с этим существенно изменилось и диалектное членение северного наречия коми-пермяцкого языка и в нем выделяются уже не четыре диалекта, как раньше, а три — кочевский, косинско-камский и мысовско-лупинский. Основываясь на фонетических и морфологических особенностях нового диалекта, исследователь выделяет в нем два говора: мысовский и лупинский.

Во второй части раздела содержатся все необходимые для введения рубрики: обосновывается актуальность темы, формулируются цели и задачи исследования, указаны источники фактического материала, говорится о научной новизне работы, о ее теоретической и методологической основах, о практической значимости достигнутых результатов, перечислены конференции и симпозиумы, где излагались основные результаты исследования.

Во втором разделе введения представлен довольно содержательный обзор истории изучения северных говоров коми-пермяцкого языка, начиная с первых фиксации отдельных языковых данных в путевых записках русских и зарубежных естествоиспытателей и кончая сов-

ременным периодом. Большое место в исследовании диалектов северного наречия отводится Р. М. Баталовой, которая продолжила традиции, заложенные Г. А. Нечаевым, И. И. Майшевым, В. И. Лыткиным и другими отечественными учеными. К сожалению, автор никак не оценивает результаты исследований северного наречия в новейший период, относящийся к последнему десятилетию XX века, а ограничивается лишь перечислением названий имеющихся трудов по кочевскому и косинско-камскому диалектам.

Первая глава посвящена анализу звукового строя диалекта. Система гласных звуков, состоящая из семи фонем, как по количественным, так и по качественным характеристикам полностью совпадает с литературным коми-пермяцким языком. Исследование показало, что в первом слоге гласные фонемы употребляются без ограничений. Во втором слоге автор выявила ограниченную дистрибуцию для звуков *o*, *y*, *ö*, *э*, которые встречаются здесь лишь при определенных условиях. При исследовании вокализма в качестве наиболее характерных для диалекта процессов рассматриваются 1) стяжение звуков на стыке неодносложной основы слова на гласный и падежных суффиксов с начальным гласным, а также притяжательно-указательных суффиксов *-ыт*, *-ыс*, 2) варьирование *ы* ~ *у*, *o* ~ *э* в позиции непервого слога, 3) употребление корневого *o* исконных слов вместо *ö* южного наречия, гласного *ö* на месте *o* южных диалектов в некоторых заимствованиях.

Как и для коми-пермяцкого языка в целом, для мысовско-лупинского диалекта характерны три типа ударения. В результате проведенного исследования Л. Г. Пономарева приходит к выводу о том, что ведущим в акцентуационной системе диалекта является не фиксация ударения на первом слоге, как считал В. И. Лыткин, а морфологизированное ударение, т. е. связанное с определенными суффиксами. Немногочисленные случаи качественно-вокального ударения в диалекте Л. Г. Пономарева считает пережитком более древнего состояния акцентуации коми-пермяцкого

языка, которое могло иметь место после распада общепермского праязыка.

Консонантная система мысовско-лупьинского диалекта состоит из 26 исконных согласных фонем. В заимствованиях из русского языка встречаются не типичные для коми-пермяцкого языка согласные *ц, х, ф, ц*, которые, как утверждает автор, фонематического статуса на данный момент не имеют. Одной из особенностей диалекта в области консонантизма является наличие апиально-альвеолярного *l*, который представляет собой аллофон фонемы *л* и наблюдается не только в исконных словах, но в некоторых случаях и в составе русских заимствований. Появление данного звука, отсутствующего в остальных эловых коми-пермяцких говорах, исследователь объясняет влиянием соседнего верхневычегодского диалекта коми-зырянского языка. При описании фонетических явлений в области консонантизма автор рассматривает такие процессы, как появление эпентических согласных *й, в, л* для устранения зияния гласных, выпадение согласных *т, й, з*, наличие вставочных звуков *й, м, н, к, т* после основы слова на согласный, прогрессивная и регрессивная ассимиляция согласных. Для наглядности в первую главу включены пять таблиц (с. 32, 37, 44, 55, 63).

Во второй главе дается обстоятельная характеристика морфологической структуры мысовско-лупьинского диалекта. Из выделяемых в диалекте 10 частей речи рассматриваются девять: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, послелог, союз, частица. Что касается междометий, автор не объясняет, почему данная часть речи осталась вне ее поля зрения. В работе анализируются все основные грамматические категории рассматриваемых частей речи независимо от того, отличаются они или нет от соответствующих категорий литературного языка. Хотя, как отмечено в автореферате, описанию специфических особенностей диалекта все же отдается предпочтение.

У имени существительного выявлены, например, следующие особенности:

несколько шире, чем в литературном языке, представлена форма единственного числа при обозначении парных частей тела и относящихся к ним парных предметов; показателем множественного числа существительных является суффикс *-йэз*, который в других диалектах и в литературном языке подвержен различным модификациям. Падежная система мысовско-лупьинского диалекта состоит из 19 падежей вместо 17 в литературном языке. Увеличение числа падежей произошло за счет двух дополнительных внешнеместных падежей: суперессива с показателем *-лын* (*ту-йлын* 'на дороге') и сублатива с показателем *-лӧ* (*мы-рлӧ* 'на пень'), возникших в результате стяжения двух серийных послелогов с основой на *выл-*. Выявлены также некоторые особенности в семантике отдельных падежей.

При обозначении счета носители мысовско-лупьинского диалекта пользуются числительными, заимствованными из русского языка. Счет до шести осуществляется с помощью исконных числительных.

Глагол, представленный финитными и инфинитными формами, имеет два наклонения: изъявительное и повелительное. По сравнению с диалектами южного наречия здесь наблюдается более широкое употребление суффикса *-ал* (*-al*), обозначающего длительный способ действия. Специфическим признаком диалекта является также наличие деепричастных суффиксов *-иг, -игӧ, -игӧн*. На материале мысовско-лупьинского диалекта впервые в коми-пермяцком языкознании выделяются и рассматриваются сложные формы прошедшего времени: 1) прошедшее незавершенное (длительное), 2) прошедшее завершенное, 3) прошедшее незавершенное неочевидное время, 4) прошедшее завершенное неочевидное время.

В качестве положительного момента следует отметить наличие содержательных выводов в конце обеих глав.

Основные выводы по всей работе логически вытекают из проведенного анализа и представляются вполне обоснованными и объективными. Здесь вни-

мание акцентируется на дифференциации особенностей мысовско-лупьинского диалекта в соответствии с наличием или отсутствием аналогичных явлений на смежных территориях других диалектов.

Большую ценность представляют образцы речи мысовско-лупьинского диалекта, помещенные в приложение. Они отражают современное состояние исследуемого диалекта и имеют различное тематическое содержание. При подборе материала предпочтение отдано мысовским пермякам, им принадлежит шесть текстов из девяти, три текста записаны от лупьинцев.

Следует отметить, что значимость рецензируемой работы была бы намного выше, если бы автор не отказалась от использования экспериментальных методов исследования фонетической системы мысовско-лупьинского диалекта. Лингвистам известно, что эти методы в области коми языкознания применялись при изучении двух коми-зырянских диалектов — присыктывкарского и вымского еще в 60-е и 70-е годы XX века и дали хорошие результаты (см. Г. Г. Бараксанов, *Формирование языковых норм коми литературного языка*, Сыктывкар 1964; В. А. Ляшев, *Фонетико-морфологические особенности вымского диалекта*, Сыктывкар 1975). Что касается слуховых методов восприятия диалектной речи и расшифров-

ки аудиозаписей, которые осуществляются обычно вне лабораторных условий, то они, как правило, всецело зависят от индивидуальных особенностей исследователя и не исключают субъективной трактовки соответствующих фактов и явлений.

Техническое оформление работы Л. Г. Пономаревой выполнено корректно. Автор прекрасно владеет как фактическим материалом, так и необходимой исследовательской методикой. Грубых ошибок в рецензируемом труде не обнаружено. Однако отдельные шероховатости и неточности все же встречаются. Нужно указать также на допущенные неточности при использовании примеров из родственных языков. Так, на с. 156 приводится предложение из монографии «Ижемский диалект коми языка» (Сыктывкар 1976, с. 265). Здесь вместо слова *н'өр* дается *нөр* (пропущен знак мягкости у звука *н*), вместо *вот'ча* — *вөт'ча*. Не по оригиналу переведено значение слова *н'өр*, там оно обозначает ветку, а у Л. Г. Пономаревой — хлыст.

В целом, исследование Л. Г. Пономаревой «Фонетика и морфология мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка» характеризуется актуальностью, научной новизной, практической значимостью и вносит определенный вклад в коми-пермяцкое языкознание.

А. Н. РАКИН (Сыктывкар)